16+
Серов Георгий Алексеевич
Про́клятый маяк
Рассказ

Георгий Алексеевич Серов
Проклятый маяк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48774940
SelfPub; 2020

Аннотация

Повествуется о смотрителе маяка и его супруге, которые вынужденно переезжают на маяк Тевеннек, расположенном на острове в открытом океане, в связи с притеснениями на предыдущем месте работы смотрителя маяка. Обстановка на маяке и ряд трагических происшествий приводят героев к сумасшествию и дальнейшей гибели. "И виделось ей тоже, как всходило солнце и вновь пряталось за горизонт, подсвечивая серую пелену туч, бесконечными полчищами проходивших над бесплодным клочком суши. Сменяясь тусклыми днями, на вздыбленный океан падали ночи. Громады воды изливались на истерзанный камень, разлетаясь миллионами брызг, сотрясая до основ островок, одиноко стоявший в водной пустыне. И над всем этим – безмолвствующий провал вечности…"

Вот вы, молодые, всё рассуждаете о смерти. И речь ваша полна банальностей навроде: «не смерть страшна, но мысль сама о ней невыносима».

Будто знаете вы что о смерти!

А ведь может статься так, что и мысль о смерти не будет столь уж и невозможной, а смерть сама станет избавлением от боли душевной или телесной.

Старик Реми – предыдущему смотрителю маяка.

В стародавние времена предвестник смерти Анкý, подыскивая себе место для прибежища, выбрал безжизненную скалу, высящуюся средь океанских волн близ берегов Бретани, с которой совершал свои вылазки на Большую землю, забирая души умерших грешников, чтобы отправить их прямиком к дьяволу. Ну и, конечно же, Анкý удобнее было собирать по окрестным скалам души погибших моряков с кораблей, потерпевших крушение.

И лишь легенды доносили на крыльях своих, что видели моряки с кораблей за мгновения до крушения дух бестелесный, паривший над местом, где волны, яростно вгрызались в остовы скал.

О том говорили моряки, умирая, в попыке живым передать тот ужас, что и передать невозможно.

***

Поздний октябрь 188… г. баловал обитателей Пор ля Нувель, что в Восточных Пиренеях, своей солнечной погодой. Ленивые волны нехотя и, словно собрав последние силы перед решительным броском, накатывали на пологий берег и так же нехотя отступали.

В скромной каморке смотрителя маяка царил переполох. Молодая чета Гиньяр собирала свой нехитрый скарб, собираясь переезжать. Оба находились в некотором радостном возбуждении, хотя тень легкой грусти иногда пробегала по миловидному лицу Мари, ведь её мужу, мсье Жану, предложили место смотрителя на маяке Тевеннек, что расположен у берегов Бретани.

Этого предложения он ждал долгих полгода, ставших для него и для его жены невыносимыми. Мсье Фламбе, комиссар службы огней и маяков, всячески старался выжить Жана с теплой должности смотрителя маяка на Большой земле с целью пристроить на это место своего непутёвого сына. Всякий раз, оказавшись на маяке, где служил смотрителем Жан, он выказывал незаслуженное недовольство рабо-

той Жана, а своими двусмысленными колкостями и намеками доводил бедную Мари до слез.

Жан, будучи южанином по происхождению, черноволосым и кареглазым, каждый раз готов был взорваться в ходе таких визитов мсье Фламбе, но каждый раз благоразумная Мари его останавливала, резонно полагая, что ни к чему хорошему такое проявление темперамента привести не способно.

В милом супружеском щебетании проходили хлопоты сборов. Супруги перебрасывались фразами – Жан строил планы на будущее, Мари, как и положено более рассудительному члену семьи, сомневалась.

– Мне кажется, Мари, мы вытянули счастливый билет. – Связывая бечёвкой книги жены, сказал Жан.

– Ты так считаешь? – на её умном личике, обрамлённом русыми волнистыми волосами, появилось недоверчивое выражение.

– Конечно! – Ведь я буду получать втрое больше против прежнего. К тому же ты будешь получать жалование в качестве моего помощника. Причем управление маяками будет перечислять наше жалование мне на счёт, открытый в банке,

и обязалось обеспечивать провиантом в течение нашего пребывания на маяке. То есть года через два мы будем вполне себе обеспеченными людьми, сможем позволить себе прикупить маленькое хозяйство где-нибудь в глубинке, на берегу тихой реки.

– Но Жан, тебя, всё-таки, не смущает то, что два предыдущих смотрителя сошли с ума? Ты думаешь, так просто дают такое жалованье смотрителям?

– Разумеется, не просто так! Я знаю, что у них проблемы со смотрителями – никто из местных туда попасть не стремится. Я даже слышал, что они называют маяк проклятым. Но мне кажется, что это всё от лени, а что же касается смотрителей, то, по-моему, Мари, они все свихнулись от одиночества. А мы там будем вдвоем, да и наш пёс, я думаю, нас отвлечет от печальных мыслей, в случае чего.

Так что мне твои сомнения непонятны. К тому же, этот мсье Франсуа – сколько раз он доводил тебя до слез, а меня – до белого каления! Ему надо пристроить сынка на это место; что ж, он добился своего. Через два года я ему смогу сказать все, что он нём думаю! И я, пожалуй, сделаю это!

Кроме того, тебе не надо будет мыкаться по этим мещанским семьям, обучая их бестолковых отпрысков, – твои

шестьдесят франков в месяц с лихвой перекроются моей надбавкой.

– Жан, я, конечно же, душой с тобой – в противном случае я бы не стронулась с этого места, но всё же нечто неясное и смутное терзает меня.

– Ты смеёшься, – продолжила Мари, увидев, что Жан ухмыльнулся, – да я и сама не вижу рационального объяснения своим страхам, но всё же.

– Ерунда все это, естественное состояние человека, покидающего насиженное место. – Сказал весело Жан. – Мне тоже бывает не по себе, но я смотрю вперед.

– Нет, Жан, это не простое ощущение человека, оставляющего место, к которому он привык. Какая-то тьма обволакивает меня – я не вижу нашего будущего, не вижу, как мы растим наших детей. Ещё полгода назад я всё это достаточно живо представляла, а сейчас это куда-то делось.

– Мне кажется, ты себя просто накручиваешь. С Божьей помощью устроимся там, на Тевеннеке. Ты же ведь мечтала о свободном времени, сможешь заняться своим любимым писательством – станешь второй Жорж Санд или третьей сестрой Бронте.

– Второй Жорж Санд не будет, Жан, а сестёр Бронте и так было три.

– Хорошо, четвертой сестрой Бронте, всезнайка моя.

– Любовь моя, видит Бог, я отправлюсь за тобой хоть на край света! – Мари с тихой грацией лебедя положила свою голову на плечо мужа.

Жан обнял нежный стан супруги и покрыл её белую шею жаркими поцелуями, и произошло то, что обычно происходит между мужчиной и женщиной, безумно любящими друг друга, невзирая на все горести и невзгоды, преподносимые жизнью.

Незаметно подкрался вечер, окрасив стены и крыши домов в кровавый цвет заката. В дальний путь решено было отправиться назавтра с раннего утра. Жана ждали на месте через три недели, так что молодые супруги, даже не спеша, успевали прибыть к условленному времени.

***

В придорожной таверне на мысе Пуэнт-дю-Ра, как и было оговорено Жаном со службой огней и маяков, их встрети-

ли. Молодой весельчак по имени Серж, занимавшийся рыбной ловлей в прибрежных водах, подрядился перевезти их на Тевеннек. Единожды заговорив, Серж в течение всего вечера не мог остановиться, пересыпая свою бесхитростную речь местными шутками и легендами маяков, отрицая, впрочем, сообщения о зловещих событиях на маяке, куда Жану и Мари предстояло отправиться на следующее утро.

– Разумеется, вы знаете, что маяки, находящиеся на берегу, на Большой земле, называются «Раем», а те, что в открытом море – «Адом». – Сказал Серж. – Ваш маяк расположен на скале, поэтому он – нечто среднее.

– Да, мы наслышаны о таком разделении. – Поддерживая разговор, сказала Мари. – Ещё такие маяки называют «Чистилищем».

– Да, именно так. – С живостью подтвердил Серж. – По сравнению с маяками, одиноко стоящими в океане, где смотрители обречены на пребывание внутри сотрясающегося от гигантских волн маяка, Тевеннек – почти райское местечко. К маяку пристроен вполне себе приличный домик смотрителя.

В хорошую погоду можно прогуливаться по террасе, любуясь невероятным зрелищем. В открытом океане глазу не за

что зацепиться, а тут – под ногами могучие сине-зеленые валы, бьющиеся о рифы. С одной стороны остров Сэн, с другой стороны – отвесные скалы Большой земли! И по широкой водной глади рассыпаны огни маяков. Особенно здорово это выглядит в сумерки, когда заходит солнце. Запад подсвечен пурпуром и уже резче начинают выделяться на фоне мрачнеющего неба мерцающие огни светильников, прокладывающих путь судам средь рифов.

– Да, наверное, это чертовски красиво! – Положив голову на ладони и мечтательно, словно смотря сквозь стены постоялого двора, произнесла Мари.

– Вы в этом сможете убедиться буквально завтра. – Подхватил Серж. – Завтра я вас жду утром в бухточке на северном берегу – кучера я уже предупредил, куда ехать. Погрузимся и вперед – на маяк!

– А что насчёт этих несчастных смотрителей, которые, как говорят, сошли с ума от одиночества? – Спросил Жан.

– Я вижу, вы наслушались всякой чепухи! – Воскликнул Серж. – Всё это легенды, которые мне кажутся плодом чьей-то не в меру разыгравшейся фантазии. На маяке был всего лишь один смотритель. Он работал с момента постройки маяка и, поскольку место с завидным жалованием, а он был ин-

валидом, то есть вряд ли смог бы найти в другом месте такое же жалование, то он и распускал всякие слухи, отпугивавшие новичков. Не так давно он умер, вот и решили найти ему замену.

– Видимо в связи с распускаемыми им слухами так долго искали замену? – Иронически заметила Мари.

– Именно! – Убежденно сказал Серж. – Место прекрасное, вы в этом убедитесь.

Договорившись встретиться на следующее утро у причала на северной стороне мыса Пуэнт-дю-Ра, Жан и Мари отправились в свою съёмную комнатку на втором этаже постоялого двора, а Серж направился готовить свою шлюпку к завтрашнему путешествию.

***

Стояли последние тихие дни ноября. Легкая дымка стелилась над зыбящейся поверхностью океана. Красным шаром всходило солнце, отчего тона горизонта переходили плавно от оранжевых и ярко-розовых на востоке до иссиня-чёрных на западе.

Жан и Мари, не вполне ещё отдохнувшие в придорожной

таверне после долгого пути, совершили последний свой переход до причала, расположенного на берегу океана, с которого им предстояло добраться до маяка – места новой службы Жана. Ещё издали они увидели треугольник паруса, полоскавшегося в струях прохладного воздуха.

Однако, к немалому их удивлению, Сержа не оказалось в условленном месте. На причале, смотря в океанскую даль, стоял седой как лунь старик, чей лик был усеян глубокими бороздами морщин. Находясь в какой-то мрачной задумчивости, старик не обратил внимания на подъезжавшую к причалу телегу.

– Утро Вам доброе! – Крикнул Жан с берега, боясь, что его не услышат.

Старик вздрогнул от неожиданности и, повернувшись в сторону берега, поначалу не очень ласково посмотрел на Жана, однако, разглядев молодых получше, сменил гнев на милость и лицо его, только что бывшее сумрачным, расплылось в ласковой улыбке.

– А-а-а! Жан и Мари – наши новые смотрители! – Воскликнул он, идя навстречу. – Заждались мы вас тут.

– Простите, но нас тут должен был встречать Серж. – Ска-

зала Мари.

Лицо старика вновь словно накрыло тучей.

– Серж не придёт, он заболел. Я его заменяю.

– Что ж, надеемся Серж болен не очень серьёзно. – Пробормотал Жан, несколько обескураженный таким оборотом событий.

– Прыгайте в лодку! – Возвращая на лицо улыбку, сказал старик. – Забыл представиться. Я – Реми, смотритель маяка Милье, который находится недалеко отсюда. Съестное я с утра ещё погрузил, пока вы отсыпались после долгой дороги. Осталось только вам погрузиться.

Жан, запрыгнув в лодку, подал Мари руку и поманил пса. Однако тот наотрез отказался приближаться к Реми. Увидев рычащего пса со взъерошенной холкой, Реми только весело хмыкнул и подмигнул Мари:

– И чего только эти собаки меня так недолюбливают?

– Он явно Вас боится. – Сказала Мари. – Да и переезд был слишком долгим для него, он нервничает, наверняка тоскует по дому.

– Хорошо, хорошо, я отойду подальше – лишь бы ваш пёс не нервничал. – Добродушно сказал Реми, хотя видно было, что он был не очень-то доволен – в глазах его на мгновение блеснул холодный огонь.

– Эдгар, ко мне! – Сурово крикнул Жан.

Пёс, чувствуя, что хозяин сердится, поджав хвост и опустив голову, дал нацепить на ошейник поводок и покорно, стараясь не смотреть в сторону отошедшего от борта Реми, спустился в лодку.

Жан, привязав пса к поручням на корме, вылез из лодки и принялся перетаскивать домашнее добро из телеги с терпеливо дожидающимся возницей и передавать его Реми.

Наконец, перенос был завершён, Жан и Мари устроились на скамье возле штурвала, Реми, выйдя из лодки, с ловкостью молодого парня отвязал швартовы от палов, и запрыгнул обратно. Парусник отчалил от пристани, направившись к выходу из бухты.

– Откуда вы, молодые люди? – спросил Реми, когда лодка вышла из бухты и легла на курс.

– Мы прибыли с юга. – Ответил Жан добродушно. – Я был смотрителем маяка в Пор ля Нувель. Жена моя была учителем изящной словесности.

– Боюсь оказаться невежливым, но всё же спрошу: какой дьявол вас сюда принёс?

– Реми, Ваш вопрос естествен. – Сказал Жан. – Мы знали, на что шли, у нас были на то причины. Во-первых, жалование, которое мне с женой будет причитаться, чуть ли не в три раза больше того, что мы получали, работая в Пор ля Нувель, во-вторых, полное обеспечение провиантом от службы маяков, ну и, в-третьих, меня фактически выживали с маяка на протяжении последних двух лет.

Я попал смотрителем на маяк, который к тому времени только отстроили, по протекции моего дядюшки. Он скоропостижно умер в 188… году, то есть два с половиной года назад. Разумеется, комиссару местной службы огней и маяков захотелось пристроить сынка в теплое место на не столь давно отстроенный маяк. Вот он и начал придумывать разные пакости, чтобы меня выдавить с этого маяка.

– Да уж, только крайняя степень отчаяния могла толкнуть вас сделать такой шаг! – Воскликнул старик.

– Но почему же? – Удивился Жан. – Мы сделали этот шаг вовсе не от отчаяния. Климат здесь, конечно, суровей в сравнении со средиземноморским, но к этому, мне кажется, можно привыкнуть

.

– Нет, я не имею в виду климат, который хоть и отличается от вашего средиземноморского, но, как говорится, бывает и похуже. Совсем другое я имею в виду – полное, отчаянное, доходящее до панического, одиночество при пребывании на маяке и изолированность без какой-нибудь малейшей надежды на избавление.

Шторма могут длиться здесь по три месяца кряду, ведь Бретань – гигантский мыс, на 40 льё выдающийся в океан. В шторм волны заливают скалу, бывает, что они перехлёстывают через маяк. Из дома выйти невозможно, внутри дома вечные холод и сырость. Провизию и пресную воду вам нужно будет экономить, поскольку в шторм к Тевеннеку подойти на лодке невозможно. А кроме того…

– Можете дальше не продолжать. – Перебил старика Жан. – Я знаю о двух свихнувшихся от одиночества смотрителей маяка, моих предшественников. Хотя Серж нам вчера поведал, что все эти истории о сумасшедших – не более чем выдумка смотрителя-инвалида, который пытался таким об-

разом спугнуть претендентов на его пост.

– Жан, – усмехнувшись сказал старик, – а Вы не подумали, как этот смотритель мог распространять такие слухи, если он всё время торчал на острове – ведь он, по Вашим словам, опасался конкуренции, поэтому не должен был никого туда пускать? Это звучит неправдоподобно.

– Действительно, – задумчиво произнесла Мари, – Серж говорил нам про то, что предыдущий смотритель пугал своих сменщиков. Но как он мог пугать их сумасшествием, если те могли убедиться, что там никто не сходит с ума, по крайней мере они-то не сошли с ума? А если они были запуганы ещё до того, как стать сменщиками, то почему они все-таки согласились его заменять?

– Больше вопросов, чем ответов в том, что сказал Серж. – Подтвердил Реми. – Он здесь недавно, поэтому не всё знает. Не знает, кому верить, а кому – нет.

– Значит то, что рассказывают, правда? – Ужаснулась Мари. – Они сошли с ума от одиночества?

– Не только и не столько от одиночества они сошли с ума. – Промолвил старик. – К тому же не двое их было, а, по крайней мере, пятеро. Просто трое смотрителей исчезли

бесследно.

– Про этих троих мы ничего не слышали. – Озадаченно сказал Жан.

– Я вам сейчас расскажу кое-что. – Продолжил старик. – Людей на этот проклятый маяк пытаются заманить хорошим жалованьем и ведь многие на это покупаются. Вот вы, например. После того, как маяк покинул первый смотритель, можно сказать, спасшийся бегством, на маяке у всех смотрителей дела идут, скажем так, не очень.

Старик посмотрел в сторону маяка, который медленно, но неумолимо приближался. Затем он бросил свой взгляд в сторону открывавшейся панорамы острых прибрежных скал и продолжил:

– Когда океан спит, все складывается как нельзя лучше. Работа, которая заключается в том, чтобы два раза в день, утром и вечером, заводить поворотный механизм и зажигать вечером светильник, как говорится, кипит. Всё остальное время смотритель предоставлен сам себе. Многие смотрители загодя берут с собой книги, карты для пасьянса, в общем, всё, что, по их мнению, сможет отвлечь их от грустных мыслей.

Но всякий раз, когда начинаются эти чёртовы шторма, что-то случается на Тевеннеке. Просто в один прекрасный момент маяк перестает работать и ллоцманской службе приходится пускать корабли, идущие вдоль побережья, в обход Сэнских рифов.

Естественно, как только шторма заканчивались, снаряжалась экспедиция для выяснения того, что не так с маяком. Дважды люди, прибывшие на остров, обнаруживали тронувшихся умом смотрителей, которые, в силу своего сумасшествия, не считали нужным включать огни маяка и заводить его механизм дважды в сутки.

А трижды экспедиции добирались до острова, чтобы обнаружить полное отсутствие жизни на маяке. Скорее всего, эти трое смотрителей тоже сошли с ума да и кинулись в океан: может, доплыть до берега хотели, может, просто утопились.

Для того, чтобы попытаться доплыть до берега, разумеется, должны быть веские причины: при температуре воды зимой, местных течениях, безудержно влекущих любого, попавшего в них, мимо берега в открытый океан, и при пятиметровых волнах, шансы доплыть до земли – нулевые.

Старик немного выбрал парус, поскольку тот начало за-

дувать, вновь посмотрел на маяк, к которому они приближались, после чего нагнулся к борту шлюпки и зачерпнул воду ладонью.

– А знаете ли вы, каково это, попасть в отливное течение? – Продолжил он, омыв лицо водой. – Что ощущает человек, попавший в него?

Течение неотвратимо несёт тебя от берега и в определённый момент ты осознаешь, что все попытки ему сопротивляться бесполезны. Волны паники захлестывают тебя, ты начинаешь хлебать солёную воду, она попадает в дыхательные пути. Грудь начинает сдавливать железный обруч ужаса пред лицом погибели. На холод уже не обращаешь внимание, но именно он становится одной из причин твоей смерти.

Это только в сказках тёплое ласковое море лёгкой волной выбрасывает тебя на пологий песчаный берег. В действительности же прибой либо размозжит твою голову о прибрежные рифы, либо ты захлебнёшься.

Ощущения несчастного сравнимы с ощущениями мухи, залетевшей в корыто прачки во время стирки белья, – болтает так же, мотает из стороны в сторону; в какой-то момент уже не понимаешь, откуда будет следующий удар, и, в конце концов, погибаешь.

– Вы, наверное, попадали в отливное течение, раз так красноречиво описываете то, что ощущает человек? – Побледнев, спросила Мари.

– Я? – Нет. – Промолвил старик. – Но я видел на лицах сонмов мореплавателей то, что чувствует человек, попавший в объятия сине-зелёного чудовища, что плещется сейчас под нашими ногами.

– Вы участвовали в морских сражениях! – Догадалась Мари.

– Вовсе нет, девочка. – Усмехнулся Реми, искоса посмотрев на Мари. – Впрочем, это не важно… Я видел тонущих матросов здесь, в проливе Ируаз. Совсем недавно.

– У меня создается впечатление, что, наводя на нас страх, Вы добиваетесь, чтобы мы отказались от идеи добраться до острова. – Несколько растерянно произнёс Жан.

– Признаюсь, я всех отговариваю – нехорошие там дела творятся. – Задумчиво ответил старик. – Ещё когда возводили этот маяк, строители говорили о неких голосах, раздающихся из глубин: «Прочь! Прочь! Ты лишний здесь!». Многие отказывались работать, возвращаясь на Большую землю,

поэтому приходилось набирать людей из других земель, причём ограничивать их общение с местными из опасения, что, наслушавшись жутких рассказов, они тоже откажутся работать.

Жан и Мари переглянулись встревоженно, видно было, что слова Реми посеяли в их душах страх и сомнения.

– Вот мы и подходим, – неожиданно сказал старик, приготовившись маневрировать на подходе к дебаркадеру в течении, безудержно нёсшем свои воды в сторону Биская.

Волнение было незначительным, но чувствовалась в нём какая-то скрытая мощь, сонно играющая с лодкой, подчиняющая своей воле и утлое судно и людей, находившихся в нём.

Эдгар, пёс Жана, которому не терпелось поскорее выбраться из парусника, как только тот причалил, выскочил и вертелся на дебаркадере.

Они поднялись по вырубленной в скале лестнице на её вершину, где стоял маяк с пристроенным к нему домом.

Реми на некоторое время застрял на пороге дома, бормоча какие-то проклятья и ковыряясь в дверном замке, который, по всей видимости, не желал открываться в связи с

одолевшей его коррозией. Дверь скрипнула, обозначив, что замок всё же поддался уговорам, и Реми отрыл её нараспашку, хозяйским жестом пригласив молодых людей внутрь.

Резкий запах сырости и плесени ударил в ноздри. Реми, покопавшись в карманах куртки, нашёл фосфорные спички и с их помощью зажёг свечи, находившиеся то тут, то там по всему дому.

– Надо открыть ставни. – Предложил Жан. – Пока ещё не слишком темно и в комнатах станет гораздо светлее.

– Этим пусть займётся Мари. – Сказал Реми. – У нас есть дела поважнее. Жан, я покажу тебе маячное хозяйство, за которым тебе нужно следить.

Они прошли вглубь дома – в ту его часть, где шла наверх, к светильнику, винтовая лестница. Реми первым стал подниматься по каменным ступеням, жестом приглашая Жана следовать за ним.

– Вот наш светильник. – Тяжело пыхтя после подъема, проговорил старик. – Масло в нём ещё должно оставаться, заливать его нужно через это отверстие. – Он показал на крышку, расположенную сбоку тумбы, на которой располагался светильник. То, что надо заводить вращающий меха-

низм, в туман включать сирену, чистить фитили от нагара и так далее и тому подобное, я полагаю, тебе объяснять не надо, не так ли?

– Конечно же нет, Реми.

– Хорошо, Жан. Сейчас ещё не время включать светильник, но погода к вечеру испортится, поэтому зажечь его и завести надо будет загодя, до наступления сумерек.

– Всё это мне известно – я всё-таки три года служил смотрителем. – Радостно закивал головой Жан.

– Хорошо. Теперь спустимся – нужно выгрузить провиант, горючее, запас свечей. – Сказал Реми. – Нужно торопиться, погода скоро испортится.

Выгрузка провизии заняла примерно полтора часа, в течение которых небо наливалось свинцом, серел океан, приобретая металлические оттенки. Солнце лишь изредка пробивалось сквозь тяжёлые тучи. Косые лучи его, падая на бескрайнюю водную поверхность, уже начинавшую вздыматься от свежевшего ветра, отражались мириадами золотисто-бриллиантовых блёсток.

Выделяясь контрастно на фоне сгущавшегося мрака,

блики солнца слепили и одновременно завораживали. Завораживала и картина разворачивающейся перед глазами наблюдателей бури, шедшей из внутренних пределов холодного океана.

– Ну всё, ребята, – сказал старик Жану и Мари, – вынужден вас покинуть, а то рискую не добраться до берега – ветер крепчает, через час здесь уже будут ходить пятиметровые волны. К тому же хотелось бы успеть подойти к берегу до начала следующего отлива – течение во время отлива разворачивается в противоположную от берега сторону, оно разгоняется до трёх метров в секунду. Когда мы шли сюда, отливное течение нам помогало, а мне оно может помешать добраться до берега.

– Да, коварное море. – Произнёс Жан. – Что ж, не могу Вас здесь задерживать, хотя, честно говоря, нам без Вас будет не по себе.

Старик проворно запрыгнул в свою лодку. Жан помог Реми отшвартоваться и лодка направилась в сторону Большой земли.

Тем временем погода ухудшалась – солнце уже не проглядывало сквозь нависшие налитые водой тучи, тяжёлые волны с легкостью поглощали близлежащие рифы, разбрыз-

гивая по воздуху солёную водную пыль.

Скала Тевеннек, казавшаяся со стороны неприступной натиску воды, сейчас, когда волны начали захлёстывать её, достигая защитной стены маяка, уже казалась маленькой и беззащитной пред неистовством стихии. Валы, гонимые холодным ветром, надвигались фронтами, вода вокруг бурлила и побелела от пены. Первая гигантская волна с тяжёлым хлопком ударила по маяку, рассыпаясь миллионами брызг.

– Вот нас о чём предупреждал старик! – Воскликнул Жан. – Начинается шторм, который может продлиться месяцы. Нужно идти в дом, закрыть все ставни. Эдгар, за мной!

***

В один из зимних вечеров накануне Рождества, когда океан с особой яростью и ожесточением насылал бесчисленные полчища волн, что грозили раздавить своей тяжестью казавшийся хрупким под их натиском маяк с примостившимся под его сенью утлым домиком смотрителя, Мари внезапно уселась на постели и воскликнула:

«Жан, быть может, мне показалось, но я услышала глухой скрежет, а после – людские крики и стоны. Пойди и посмотри, что там снаружи?».

Жан, ещё не до конца проснувшись, поднялся с постели. Залился лаем их умный пёс, которому врождённая деликатность – ведь он относился к аристократичной породе ирландских сеттеров – не позволяла будить хозяев. До этого он лишь тихонько поскуливал, лёжа на своей подстилке, когда услышал глухой стук и скрежет металла о камень. Он подбежал к Мари и уткнулся заострённой своей мордой в колени хозяйке, затем подбежал к хозяину и, позвав его за собой на своём собачьем языке, помчался с лаем к входной двери.

– Ты знаешь, Мари, в какие-то моменты мне слышатся голоса сонмов людей, горящих в адской топке. – Сонно произнес Жан. – Звучит так, как будто это надувают гигантские меха.

Затем на какое-то мгновение эти голоса затихают и остается пара или тройка голосов, но это голоса уже не людские, а голоса демонов. Словно это поёт гигантский хор, только песнопения его непривычны человеческому уху и пониманию. Ты говорила мне, что ничего не слышишь и лишь смеялась надо мной.

Теперь же и ты услышала этот хор.

– Жан! – Прервала его рассуждения Мари. – Сейчас я ясно

услыхала крики о помощи! Поди, поди! – Я не смогу заснуть, пока ты не скажешь мне, возвратясь с террасы, что ничего не произошло.

Жан, выйдя из их комнатушки на кухню, начал натягивать на себя сапоги и непромокаемый плащ. Пёс в это время бесновался возле входной двери, в раздражении, что не в состоянии её открыть. Жан зажёг оплывшие свечи и поднял дверной засов.

Эдгар, толкнув входную дверь передними лапами, ринулся, исступлённо лая, навстречу ревущему океану – к месту, откуда исходил неясный бледный свет… Но был остановлен в своём движении гигантским валом, перехлестнувшим террасу. Лишь только отчаянный вой, оборвавшийся через несколько мгновений, остался воспоминанием о верном благородном животном, окончившем дни свои в бездне.

Жан бросился было за своим псом, но тотчас вернулся. Поспешно закрыв за собой дверь и опустив засов, он прижался спиной к двери, словно пытаясь помешать кому-то войти в неё.

Мари вскочила с постели и как была, в одной ночной рубашке, подбежала к мужу.

– Что, что там?

– Меня окатило волной. – Дрожа всем телом сказал Жан. – Пса смыло и, судя по оборвавшемуся визгу, – размозжило о камни, а затем…, затем унесло то, что осталось, в океан.

– О-о-о, Жан! Наш бедный пёс! – Зарыдала Мари, уткнувшись в плечо мужа.

– Мне вот что ещё привиделось, Мари, пока меня не накрыло волной. – Запинаясь, продолжил Жан. – Какое-то судно, подобно обмякшему телу мёртвого морского гиганта, перевернувшись на бок, уходило под воду, а над всем этим жутким зрелищем, слабо светясь в бездонной тьме, словно парил бесплотный дух…

И вдруг подумал я, что это смерть сама наш остров посетила.

***

Всё чаще и чаще Жан, вырываясь из объятий Мари, безуспешно пытавшейся остановить его, выходил из дома в неряшливо накинутой на плечи штормовке и с непокрытой головой. Спустившись с террасы, он бесцельно бродил, опустив печальный свой взор, по скользким камням негостепри-

имной скалы, омываемым громадными волнами. Изредка он останавливался и вскрикивал «Эдгар, Эдгар!», но слова его тонули в рёве океана.

Очевидно было, что по ночам его мучают кошмары – он метался по своей кровати, резко сжимаясь, словно пытаясь превратиться в маленький комок, и всхлипывая. Иногда он вскрикивал во сне и, дрожа всем телом, лежал в кромешной тьме, широко открыв глаза и бессвязно шепча, как будто напуганный чем-то.

– Неужели смерть пса могла оказать на него такое влияние? – С тревогой думала Мари, глядя на мужа или же оставаясь наедине с собой.

В один из вечеров конца января нового, 188… года Жан в очередной раз вышел из дома, оставив жену в одиночестве, предупредив, что вернётся вскоре. Прошло минут пять после его выхода, как вдруг входная дверь открылась.

– Мари! К нам приехал старик Реми! – Забегая в дом, радостно воскликнул Жан.

– В такую-то погоду? – Не смогла скрыть своего удивления Мари. – Но ведь он же сам говорил, что в шторм сюда никто не сможет добраться!

– А он, видишь, смог!

– Пойдём тогда скорей встречать его – льёт как из ведра. Я думаю, что он с радостью присоединится к нам!

Они вышли из дома. Мари поплотнее укуталась в свою накидку с капюшоном. Резкий северный ветер рвал гребни волн, срывая брызги и пену. Стальные валы с грохотом обрушивались на камни. В предсумеречном сером тумане не видно было даже соседних рифов. Минуты две Мари вглядывалась в участок скалы, в сторону которого лихорадочно тыкал пальцем Жан, но, ничего не разглядев, спросила у него недоумённо:

– Но где же старик, Жан? – я никого не вижу.

– Его действительно там нет сейчас, но перед тем как я зашёл в дом, Реми был именно там. – Огорчённо пробормотал Жан, стараясь не смотреть на Мари.

– Ты хочешь сказать, что старик в такую погоду решил нас посетить, но, приехав на остров, он передумал и отправился восвояси?

– Мари, я не знаю, как можно объяснить то, что я видел,

но я видел Реми. – Дрожа всем телом, то ли от озноба, то ли от страха сказал Жан, когда они вернулись домой.

– Жан, подошло время завести механизм светильника. Тебя лихорадит, ложись в постель; я сделаю всё сама.

Она сопроводила Жана до кровати, уложила и бережно накрыла одеялом.

– Мари, мне, почему-то теперь уже не кажутся такими уж напрасными речами те, что говорил старик. И мне не кажется такой уж прекрасной идея стать смотрителем Тевеннека. – Сказал, засыпая, Жан.

– Всё, успокойся и спи. Скоро шторм прекратится, придёт подмога. Надо будет – свезут тебя на большую землю, подлечат там, прекратятся твои упаднические мысли.

Не знала в тот момент Мари, что слова, услышанные сейчас от мужа, будут последними словами его ещё не до конца замутненного безумием разума. В течение трёх недель не прекращавшегося ни на минуту шторма, Жан, переболев простудой при высочайшей температуре, получил осложнение в виде воспаления оболочек мозга, закончившееся бесповоротным его сумасшествием.

***

Очнувшись через три недели горячечного бреда, показавшихся ему коротким тяжёлым сном, Жан встал с постели, и, воззрившись невидящим взглядом на Мари, спросил:

– Надеюсь, ты не включал этот адский светильник, что пожирает свет своей слепящей чернотой?

– Что ты такое говоришь, Жан? – Испуганно спросила Мари. – Это я. Ты не узнаёшь меня? Какой адский светильник?

– Тот, что наверху маяка. Вращаясь, он развёртывает свою спираль мрака вокруг. Сперва на океанский простор, что окружает нас, и далее, далее… Затем, достигнув берегов Бретани, мрак этот сгущает краски ночи, парящей над землей, чтобы в один из дней свет солнца уж никогда б не смог нам даровать своё тепло.

«Он всё ещё бредит, бедный Жан!» – Подумала Мари, пытаясь усадить возлюбленного своего мужа на измятую постель.

По выработавшейся в последние дни привычке она приложила ладонь ко лбу Жана, однако была несколько озадачена, не почувствовав жара.

– Так ты – Мари? – Ошарашено спросил Жан, оглядываясь по сторонам.

– Да, милый, да! – Это я, Мари.

– Здесь холодно. Боже, как здесь холодно! Значит, ты не смогла помешать старику зажечь чёрный светильник? – С расширившимися от ужаса глазами прошептал Жан.

– Какой старик? Почему ты твердишь про какой-то светильник?

– Так он горит? – Спросил Жан.

– Если ты говоришь про тот светильник, который находится на вершине маяка, то да, он горит, поскольку сейчас уже поздний вечер.

Жан вскочил и, вырвавшись из объятий Мари, которая тщетно пыталась его остановить, широкими шагами направился к лестнице, спиралью взбегающей наверх маяка.

– Остановись сейчас же, Жан! – Вскрикнула Мари. – Что ты задумал?

– Я должен немедленно погасить светильник! – Не оборачиваясь, сказал Жан.

Он быстро взбежал по каменным ступеням на площадку, где располагался светильник. Мари, отчаянно силясь догнать мужа, вцепилась руками в его правую ногу, отчего тот растянулся на полу.

– Ах так? – Завопил Жан и, поднявшись с прытью, которой никак невозможно было ожидать от человека, только поднявшегося с постели после тяжёлой болезни, подбежал к тумбе светильника, на которой лежал ржавый зазубренный нож.

Он развернулся к Мари, которая уже успела подняться на площадку и стояла, тяжело дыша, у спуска. Её волосы сбились набок. Одна прядь, которую она безуспешно пыталась сдуть в сторону, заслонила пол-лица.

Жан, сжавшись, подобно кошке, в пружину, бросился на Мари с ножом. В одно мгновение она увидела, что человек, бросившийся на неё, уже не возлюбленный муж её, но незнакомец, готовый резать, крушить, топтать её плоть до последнего вздоха – вздоха, с которым вместе вылетает из тела напуганная птица души.

Издав вопль отчаяния и подготовившись погрузиться в бездну небытия, Мари упала ниц, умоляя мысленно Бога забрать её душу из этого проклятого места.

Раздались протяжный вопль, затем сдавленное прерывистое кряхтение, сменившееся стонами боли, и гулкие звуки, издаваемые скатывающимся вниз по каменной лестнице телом.

Звуки те венцом своим имели глухой хруст и предсмертный хрип некогда столь горячо любимого мужа Мари – смотрителя маяка Тевеннек, превратившегося не по своей воле в чужака, не узнающего её.

Мари, чей взор был застлан потоками горьких слёз, сбежала вниз по узкой лестнице, и увидела сквозь зыбкую прозрачную пелену раскинувшееся на бетонном полу в позе, вызывавшей ужас своей неестественностью, тело Жана.

Она встала на колени пред распростёртым телом, содрогающимся в агонии и, обратив свой взор наверх, туда, где за толщей балок и перекрытий, тяжёлого низкого неба должно было, в представлении бедняжки, находиться всемогущее и всеблагое существо, прошептав горько:

– О Бог мой, за что покинул Ты меня? В чём вина моя

перед Тобой, ответь!

Но лишь сводящий с ума вой ветра и грохот прибоя были ей ответом.

Издав последний вздох, притих в полумраке дома Жан Гиньяр, которому, когда он решал свою судьбу, и в страшном сне бы не приснилось как кончатся его земные дни.

– Что же мне делать теперь? – Думала, рыдая Мари. – Что делать с Жаном? Жить наедине с мертвецом?

Сама мысль о возможности нахождения под одним кровом с мертвецом, которого коснётся вскоре смрадная длань тления, приводило несчастную в трепет.

Было ли тому виной то полуобморочное от ужаса состояние или же испытанное только что потрясение, но Мари повалилась на холодный пол и провалилась в бездну забытья, изредка чередуемого снами, полными мрачных видений и ужаса.

Виделось ей, как она, растерзанная усталостью, проклиная миг появления своего на свет – в эту юдоль горестей и плача, поместила бездыханное тело мужа в продолговатое, схожее с ванной углубление в каменной толще скалы, запол-

ненное ледяной океанской водой, придавив его тяжёлым обломком гранита.

И виделось ей тоже, как всходило солнце, подсвечивая серую пелену туч, бесконечными полчищами проходивших над бесплодным клочком суши, и вновь пряталось за горизонт. Сменяясь тусклыми днями, на вздыбленный океан падали ночи. Громады воды изливались на истерзанный камень, разлетаясь миллионами брызг, сотрясая до основ островок, одиноко стоявший в водной пустыне.

И над всем этим – безмолвствующий провал вечности…

***

23 марта 188… года шторм, терзавший берега Бретани и длившийся непрерывно 4 месяца, наконец-то унялся, и наступили дни затишья – те редкие дни, когда ласковое солнце, чей лик омыт казавшимися дотоле бесконечными дождями, радует обитателей поднебесного мира, а океан, словно ласкающийся к сердитому хозяину пёс, облизывает своим огромным влажным языком тёмные камни, чьи верхушки едва высовываются из воды.

Парусник службы огней и маяков с запасом провизии и новым смотрителем маяка пришвартовалась к причалу ост-

рова Тевеннек. Когда на этот клочок суши в открытом океане сошло трое мужчин, они с изумлением увидели седую неряшливую старуху, сидевшую на каменных ступенях. Она раскачивалась из стороны в сторону и смотрела взглядом, наполненным бездонной пустотой, в небо.

– Добрый день, мадам. – Обратился один из вышедших из катера мужчин.

– Кто здесь? – Опустила взор женщина, попытавшись сконцентрироваться на группе высадившихся. – Кто вы такие?

– Мы привезли провиант, запас воды и масла для светильника. – Ответил второй мужчина. – Я – новый смотритель маяка Жильбер Аньо. Но… кто Вы и как Вы здесь оказались?

– Может быть, Вы потерпели крушение? – Подхватил мысль первый.

– Я – жена смотрителя маяка… Жана. Моё имя … Мари. – Как будто напрягая память и силясь вспомнить что-то давно забытое, сказала женщина.

Мужчины недоверчиво переглянулись. Маяк не работал

вот уже почти год, в том числе из-за того, что сначала долго не могли найти замену исчезнувшему смотрителю, а затем – из-за того, что когда наконец-то нашёлся смотритель, его невозможно было доставить на остров в связи с бушевавшим зимой штормом.

– Э-э-эм, хм. – Никак не мог собраться с мыслями будущий смотритель. – Но… Мадам, этот маяк не действует уже почти год. За этот год здесь произошло четыре крушения – в основном заплутавшие в окрестных водах или снесённые течением на эти проклятые рифы рыбацкие шхуны или пакетботы. Три английских и одна испанская посудина! О каком смотрителе Вы говорите?

– Молодые люди, Вы, наверное, думаете, что я сошла с ума? – Вскинув на мужчин горящий взгляд, спросила Мари. – Сейчас муж спустится и всё вам объяснит. Мы работали как проклятые на этом маяке, чинили механизмы, когда они нуждались в починке – а нуждались в починке они почти всё время, заливали масло в светильник, зажигали его с началом темноты! Я даже не смогла закончить свою книгу «Любовное ремесло» – так я была занята!

– Жан! Жа-ан! – Закричала она. – Хватит там возиться. Спускайся, у нас гости! Сменщик приехал.

– Жан и Мари? – Воскликнул вдруг один из мужчин по имени Аллан. – Я припоминаю, что к нам должна была приехать смотрителями молодая пара. По-моему, их звали Жан и Мари. Однако ж, должен заметить, что они, по всей видимости, наслушавшись всякого рода неприятных историй про маяк, отказались от своей затеи и уехали восвояси – они, вроде, с юга.

– Тем не менее, мадам, – продолжил он, – Жану, как говорили, должно быть не больше 25, а Мари – и того моложе. А Вам, как бы это сказать, несколько поболее лет будет…

– Неужели я так плохо выгляжу? – С неподдельным возмущением спросила старушка.

Аллан беспомощно поглядел на своих товарищей, словно искал у них свидетельства правоты своих слов. Брови Пьера поднялись в изумлении.

– Вовсе нет, мадам… Вовсе нет. – Протянул он.

– Ну ладно. – Жеманясь, произнесла женщина. – Как поживает Реми?

– Реми? – Нестройным хором спросили мужчины.

– Ну да, Реми – древний старик, что доставил нас с Жаном сюда.

– Впервые слышим о Реми. – Нерешительно начал Пьер.

Несчастная женщина растерянно посмотрела на окруживших её мужчин.

– Как же так? Реми…

Она встала и нерешительно начала подниматься по ступеням наверх – к дому, но, словно вспомнив что-то, сердито пробурчала: «Нет, решительно отказываюсь понимать этого увальня – моего Жана! Сидит, наверное, со своей «Гидрографией рек Европы» – По с Луарой ему подавай – и не слышит ни черта! Сейчас он спустится и объяснит вам, кто такой Реми!»

– Жан, Жа-а-ан! Да где ж ты! – Уже раздражённо крикнула она, продолжив затем более спокойно, обращаясь к мужчинам. – В последнее время вообще повадился в ванне с ледяной водой отлеживаться. Наберёт воздуха в лёгкие и лежит на дне. Редко с ним видимся. Я уж и не трогаю его, расстелю постель и лежу, лежу, жду его, слушая хор томящихся в аду душ… Да так и засыпаю.

Аллан, Жильбер и Пьер переглянулись в недоумении.

– Похоже, бабуля-то немного не в себе. – Вполголоса сказал Пьер остальным.

– Ну ладно, – словно очнувшись от какого-то далёкого воспоминания, произнесла старуха, – пока он сюда идёт, я вам всё-таки попытаюсь объяснить. Реми – седой как лунь старик, весь в морщинах, у него широкое, похожее на маску лицо, глаза такие… Цвета голубого льда. Он вызвался нам помочь, поскольку юноша, который подрядился нас доставить на маяк, приболел.

Старушка остановилась на предпоследней ступеньке лестницы и, призадумавшись на несколько мгновений, спросила, ни к кому в особенности не обращаясь: «Как же его звали-то?». И тут же, отвечая на свой вопрос, воскликнула: «Серж. Ну точно – Серж!»

– Серж? – Посмотрел с прищуром Пьер на старушку. – Белобрысый такой, вечно трепался, не остановишь, по поводу и без?

– Да. – Кивнула старуха, спросив уже с надеждой в голосе: «Вы же знаете его?».

– Серж погиб в начале ноября. – Задумчиво проговорил Пьер. – Он был здесь, в наших краях, новичком. По-видимому, не зная вполне коварности здешних течений, он, решив выйти в океан на своей лодке, напоролся на рифы, да так и погиб. Его видели в последний раз на южной стороне мыса – в бухточке Пор дё Бестре, где в один прекрасный вечер он забрался в лодку в полном одиночестве и вышел в океан.

Ему махали с берега, кричали, что выходить на ночь глядя в пролив Ируаз не стоит. Но он, как обезумевший, поднял парус и направился в самое опасное место – туда, куда мы не всякий раз ходим на своих лодках, поскольку там течение, коли разгонится, бывает по 7 узлов в час.

– Бедный Серж! – Воскликнула Мари. – Но Реми нам сказал, что Серж лишь приболел…

Внезапно лицо старухи прояснилось и она пробормотала, будто разговаривая сама с собой:

«Ну да, конечно, мне надо было догадаться раньше. Беседуя с нами и говоря о проклятии, лежащем на острове, старик играл с нами, как с котятами. Он просто измывался над нами – всё равно шансов вернуться на землю у нас не было, ибо даже если б мы и отказались от своей идеи добраться до маяка, Анку́ не стал бы разворачивать свой челн!»

Старуха беззвучно захохотала, и, схватившись за голову, начала раскачиваться в такт одной только ей ведомой мелодии. Тело её ещё сотрясалось от смеха, когда внезапно поперхнулась она хлынувшей горлом кровью и рухнула на каменные ступени.

***

В истории используются фамилии Guignard (Несчастный), Flambee (Вспышка. Une flambee de colere – Вспышка гнева), Agneau (Агнец). Они использованы исключительно для придания смыслового объёма персонажам. Все события и персонажи вымышлены, любые совпадения случайны. За основу взяты легенды об Анкý и молодой супружеской паре, жившей некоторое время на маяке Тевеннек, почерпнутые из открытых источников в Сети.

---

(1)Об Анкý(ancou на бретонском, ankou на валлийском) сведения противоречивы. В одних источниках сообщается, что он был исчадием ада. Народная традиция, воспринявшая христианскую, связывает Анкý с первородным грехом и отмщением за него: «Слышал я, как люди говорили, что Анкý был первым сыном Адама и Евы. Бог его повелел ему в наказание за грех отца убивать до самого конца света всех лю-

дей, своих братьев, которые родятся на этой земле. А перед тем, как нанести удар, он дает людям добрые советы, ведь ему очень хочется, чтобы все мы попали в рай». (Женитьба Анку́)/ Цитируется по: Мурадова А.Р. Анку́: персонификация смерти, вестник смерти или орудие смерти. breizh.ru. Дата обращения: 13.09.2019 г.

В других же говорится, что был он лишь предвестником смерти, вовсе не враждебным роду людскому, но помогающим честным людям умереть достойно. Ведь только грешников ждут муки ада, для добродетельных же смерть – избавление от земных страданий. Смерть, в представлении ряда народов, живших на землях, омываемых водами Кельтского моря, представляла собой путь туда, где нет места несчастиям и горестям земной жизни.

В «Википедии» Анку́ посвящена небольшая статья. В ней, в частности, указывается, что «Обычно Анку́ становится человек, умерший в том или ином поселении последним в году. Также существует версия, что он – первый похороненный на кладбище. Является Анку́ в облике высокого изможденного человека с длинными белыми волосами и пустыми глазницами; он одет в черный плащ и черную широкополую шляпу. Этот человек везёт похоронную повозку, запряженную скелетами лошадей (по другой версии – желтой тощей кобылой). Иногда Анку́ принимает облик скелета. Он достаточно опасен – согласно легенде, тот, кто встретит Анку́, умрёт через два года; человек, встретивший Анку́ в полночь, умрёт в

течение месяца. Также предвещает смерть скрип телеги Анкý».

История о том, что Анкý поселился на безжизненной скале Тевеннек и на своей лодке бороздил океанские воды, собирая души утонувших, чтобы отправить их в ад, является, очевидно, легендой сторонников относить Анкý к представителям сил тьмы.